

Островская Н.А.

Воспоминания о Тургеневе

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н11

Н11 **Н.А. О.**
Воспоминания о Тургеневе / Островская Н.А. – М.: Книга по Требованию,
2025. – 74 с.

ISBN 978-5-521-26728-6

ISBN 978-5-521-26728-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ѣхавшаго въ Баденъ повидаться съ Иваномъ Сергѣевичемъ, и уговорился обѣдать вмѣстѣ съ ними.

— „Похвалился мнѣ Иванъ Сергѣевичъ, рассказывалъ мнѣ мужъ, что домъ хорошій себѣ строитъ, что Баденомъ и вообще своею судьбою онъ очень доволенъ. Объ одномъ, говоритъ, молю теперь Бога, „чтобы батюшка вторникъ былъ похожъ на батюшку понедѣльника“. Спрашивалъ я, зачѣмъ онъ такую записку наклеилъ на двери? Оказывается, что и здѣсь его не оставляютъ въ покоѣ, лѣзутъ—кто за со-вѣтомъ, кто—съ изъявленіемъ сочувствія. Увѣряетъ, что совсѣмъ бросилъ писать. Ну, да надо надѣяться, что это жалкія слова“.

Собраться къ обѣду было уговорено у ресторана игорнаго дома. Когда мы подошли къ нему, съ лавочки, находящейся передъ рестораномъ, поднялся къ намъ навстрѣчу И. С. Тургеневъ. Я его всего разъ видѣла, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ Петербургѣ—и теперь уже издали узнала, конечно, его высокую, широкоплечую фигуру.

— Вотъ я, по старой памяти слыву примѣромъ неаккуратности,—сказалъ онъ послѣ первыхъ привѣтствій,—а, между тѣмъ, я оказываюсь всѣхъ аккуратнѣе. А Авдѣевъ, вотъ что то пропалъ. А, вотъ и онъ!“

Къ намъ подошелъ человѣкъ средняго роста, худой и костлявый, въ широкомъ верхнемъ пальто съ широкими рукавами, изъ тѣхъ пальто, по которымъ иностранцы узнаютъ *les Moskovites*. Онъ былъ очень некрасивъ: неправильныя, растянутыя въ ширину черты, маленькіе впалые глазки, небольшой лобъ, покрытый частыми морщинами, точно складками, сильная просѣдь въ жидкихъ волосахъ, въ жидковатой бородкѣ и въ усахъ, закрывавшихъ большой ротъ съ плохими зубами,—но лицо симпатичное по выраженію доброты и добродушія. Во время обѣда разговоръ касался больше охоты и общихъ знакомыхъ. Мужъ мой по какому то случаю упомянулъ, что я нѣмцевъ не люблю.

— Напрасно, сказалъ Тургеневъ. Вы нѣмцевъ, вѣрно, не знаете; они люди хорошіе,—только надо умѣть съ ними обращаться. Съ ними больше чѣмъ съ другими надо *mit-machen*, чтобы сойтись; въ нихъ много добродушія, хотя и не нашего, русскаго. *Gemüth*—тоже добродушіе, только другого оттѣнка.

Я промолчала. Я, вообще, конфузилась, помалчивала и только, не переставая, всматривалась въ Ивана Сергѣевича, замѣчала каждое его движеніе. Онъ, какъ извѣстно, былъ хорошъ собой,—но красота его состояла не въ правильности чертъ лица, не въ стройности сложенія: она состояла въ какомъ-то благородствѣ осанки, въ милой улыбкѣ, въ гривѣ сѣдыхъ волосъ, откинутыхъ назадъ надъ прекрасной формы лбомъ, и, главное, въ привлекательности взгляда. Глаза его не были ни огромны, какъ увѣряетъ Доде, ни даже особенно красивы, но умные, проницательные, честные, добрые: глаза очень, очень хорошаго человѣка. Лучшій его портретъ, по моему, тотъ, который снятъ у Бергамаско, *en face*; на немъ онъ вышелъ именно такимъ, какимъ бывалъ, когда находился въ духѣ: со смѣющимся, ласковымъ взглядомъ, съ добродушной, доброжелательной улыбкой; вышла даже та прядь волосъ, которая вѣчно падала ему на лобъ, чуть только онъ разговорится или взволнуется. По описаніямъ, по разсказамъ—я воображала его совершенно другимъ: я представляла его себѣ въ родѣ тѣхъ лордовъ, что описываются въ англійскихъ романахъ, лордовъ до того благовоспитанныхъ, что простымъ людямъ, не посвященнымъ во всѣ тонкости джентельменства, съ ними даже страшно становится. „Да онъ—простой, совсѣмъ простой человѣкъ!“—думала я,—„настоящій русскій помѣщикъ. Правда, манеры у него крайне изящныя, но видно, что въ немъ нѣтъ ни капли той *комильфотности*, которая шокируется изъ-за пустяковъ“.

У Авдѣева было имѣніе въ Уфимской губерніи. Предыдущее лѣто онъ жилъ въ имѣніи, а на зиму переѣхалъ въ Уфу. Живетъ онъ себѣ въ Уфѣ, вдругъ получаетъ бумагу: приказывается ему отправляться назадъ въ деревню и оттуда не выѣзжать. Онъ ничего ни понимаетъ, бросается справляться, что это значить. Къ его счастью онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ уфимскимъ губернаторомъ. Тотъ написалъ въ Петербургъ, а ему между тѣмъ посовѣтовалъ ѣхать пока въ деревню. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ что же узнается! Искали другого Авдѣева, того не нашли, а его сослали ошибкой. Изъ деревни же его все-таки не выпускаютъ,—разрѣшенія нѣтъ. Черезъ разныхъ знакомыхъ онъ кое-какъ выхлопоталъ себѣ позволеніе сѣздить въ Петербургъ для объясненія. Въ Петербургъ добился онъ, чтобы его приняли (не помню, въ

третьемъ ли отдѣленіи, въ министерствѣ ли внутреннихъ дѣлъ). Объясняетъ онъ тамъ свою исторію и проситъ, чтобы его выпустили на волю. Говорятъ — нельзя, потому что о его ссылкѣ недавно было доложено государю, и не хотятъ себя компрометировать передокладываньемъ. Совѣтуютъ ему потерпѣть: со временемъ можно будетъ подвести его подъ какой-нибудь манифестъ, или выпросить помилованіе. Онъ сталъ возражать, что ему не помилованіе нужно, что, онъ не виноватъ. — „Знаемъ“, говорятъ „и извиняемся, а все-таки ничего сдѣлать не можемъ“. Онъ, конечно, въ отчаяніи. Наконецъ его спрашиваютъ: „Да чего вамъ, собственно хочется?“ — „Какъ чего! Во-первыхъ, я хочу быть свободнымъ, а, во-вторыхъ, я человѣкъ больной, меня доктора посылаютъ за границу“. — „Давно бы такъ сказали! Позволеніе ѣхать лѣчиться мы вамъ доставимъ“. И дѣйствительно доставили. Рассказывая эту исторію, мужъ заключилъ словами: „И, вотъ, теперь онъ въ такомъ положеніи, что за границу то его отпустили, а возвратится онъ въ Россію, опять сиди въ деревнѣ. Ну, возможно-ли жить въ государствѣ, гдѣ рискуешь, что съ тобой произойдетъ такое приключеніе“!

Авдѣевъ сталъ ходить къ намъ, съ мужемъ спорилъ, изливалъ накопившуюся желчь. Онъ увѣрялъ, будто при Николаѣ Павловичѣ даже было лучше. „Тогда по крайней мѣрѣ“, говорилъ онъ, „каждый зналъ à quoi s'en tenir¹⁾, а теперь, то либеральничаютъ, то ни за что, ни про что казнятъ“. Мужъ мой возражалъ, что нельзя даже сравнивать Александра Николаевича съ отцомъ, а что дѣйствительно въ Россіи жить скверно, такъ въ этомъ не столько правительство виновато, сколько общество: „Общество у насъ поганое“.

Тургенева Авдѣевъ обожалъ, но видался съ нимъ не очень часто: „Я не хочу его стѣснять, — онъ цѣлый день сидитъ или у Віардо, или на постройкѣ дома. Своему дому онъ радуется, какъ ребенокъ. Долго онъ мнѣ толковалъ, какой у него будетъ кабинетъ съ дверями вмѣсто оконъ — прямо въ садъ“. — „Какъ во снѣ Зинаиды въ „Первой любви“, замѣтила я. — „Должно быть. Главное, конечно, его радуетъ, что онъ будетъ жить рядомъ съ Віардо, — оттого то и возторгъ отъ дома и сада“. — „Знаете вы ее?“ — „Очень мало“.

¹⁾ За что держаться.

„Она, вѣдь, такая дурная, — вѣрно ужъ очень умная“. — „Иванъ Сергѣевичъ увѣряетъ, будто она такъ умна, что сквозь челоуѣка видитъ спинку стула, на которомъ онъ сидитъ. Вы говорите — она нехороша собой. А я вотъ вспомнилъ, какъ разъ сидимъ мы съ нимъ въ Римѣ на Пинчіо, — проѣзжаетъ мимо насъ въ коляскѣ дама, похожая немножко на нее, такъ онъ, какъ сумасшедшій, вскочилъ и бросился за коляской, конечно, не догнавъ, вернулся, запыхавшись, и послѣ все мнѣ расписывалъ, какая она, должно быть, необыкновенная женщина, судя по наружности. Вы знаете, вѣдь, онъ расписывать умѣетъ!“ Вѣрдо мы встрѣчали раза два на гуляньѣ. Она была очень некрасива: съ длиннымъ желтымъ лицомъ, съ крупной челюстью, и, дѣйствительно, какъ говорили о ней, напоминала лошадь. Только у нея и было хорошаго, что большіе черные глаза да свободная легкая походка, да еще я замѣтила маленькую ножку очень красивой формы.

Мы прожили въ Баденѣ недѣли три. Тургенева я видала нѣсколько разъ, но мужъ мой довольно часто бывалъ у него, и, возвращаясь отъ него, каждый разъ рассказывалъ мнѣ, о чемъ они съ нимъ бесѣдовали. Все это было такъ давно, что я уже забыла часть разговоровъ. Запишу, по крайней мѣрѣ, то, что сохранилось въ моей памяти...

— Хорошую новость я принесъ, — сообщилъ мнѣ однажды мужъ, возвратившись отъ Тургенева. — Объявилъ мнѣ сегодня Иванъ Сер — чъ: „сидѣлъ я, сидѣлъ, да и принялся за романъ“.

Началъ онъ тогда писать „Дымъ“.

— Сегодня я засталъ Тургенева за письменнымъ столомъ, рассказывалъ мнѣ мужъ въ другой разъ, — мараетъ въ какой то книжкѣ. Встрѣтилъ онъ меня немножко сконфуженный: „Знаете, говорить, за какимъ вы меня занятіемъ застали? За сказками Perault. Есть у меня знакомый юноша, спонадобились ему деньги; онъ придумалъ перевести сказки Perault и отнесъ переводъ къ Исакову, а тотъ говоритъ: „Напечатаю на свой счетъ, если Тургеневъ дастъ свое имя“. Юноша ко мнѣ. Я по слабости своей согласился дать свое имя только все-таки совѣсть меня зазрила. Просилъ я принести мнѣ посмотрѣть переводъ, и — вообразите мой ужасъ: открываю книгу и первое, что мнѣ попадаетъ на

глаза, это фраза: *онъ сплъ на бълую лошадъ съ яблоками*. Вотъ теперь сажу и поправляю“.

Разъ какъ-то ходили мы съ Авдѣевымъ смотрѣть садъ и домъ Тургенева. Внутрь дома мы не входили: внутренняя отдѣлка его еще не начиналась, хотя снаружи онъ и украсился какими то башенками. Садъ былъ довольно большой, для частнаго нѣмецкаго сада, но особеннаго въ немъ ничего не было.

— Смотрите, рѣку то замѣьте, смѣясь совѣтоваль намъ Авдѣевъ; вѣдь онъ васъ объ ней спросить.

Какую рѣку? спросили мы.

— Неужели вы не видите? Вотъ она! — и онъ показалъ намъ на маленькій ручеекъ, пробивавшійся между деревьями. Для Ивана Сергѣевича крайняя обида, если кто-нибудь ручейка не замѣтитъ; онъ воображаетъ, что это цѣлый потокъ.

Разъ мужъ принесъ листокъ маленькой газетки. „Посмотри-ка, какую пакость Тургеневъ получилъ сегодня!“ То былъ номеръ газеты: „*A tout venant je sache* ¹⁾“. Человѣкъ не выдастъ, свинья не съѣстъ“. Подъ заглавіемъ стояло: „Подписки не принимается, подписчики выбираютъ редакцій“. Въ этомъ номерѣ былъ какой то гадкій намекъ, уже не помню—какой именно. Вотъ на что намекалось въ пасквильномъ тонѣ. „Передъ моей послѣдней поѣздкой въ Россію“, рассказывалъ Тургеневъ, „приходитъ ко мнѣ Бакунинъ и проситъ препроводить къ нему какимъ-нибудь образомъ его жену, которая находилась тогда въ Москвѣ. Я обѣщалъ. Наканунѣ моего отъѣзда изъ Парижа является онъ опять, таинственный, съ тетрадкой въ рукахъ, суетъ мнѣ тетрадку: вотъ тебѣ нашъ тайный шрифтъ на всякій случай.—Зачѣмъ мнѣ шрифтъ? На какой случай?—А чтобы жену мою отправить. Можетъ быть понадобится.—Однако шрифта я не взялъ. Съѣздила я въ Россію, жену ему препроводилъ и вернулся. А онъ между тѣмъ написалъ мнѣ въ догонку письмо съ какими то инструкціями и не только прямо по почтѣ, но даже подписался полнымъ именемъ. Письмо это, конечно, попало, куда слѣдуетъ. Къ счастью, пришло оно въ Россію, когда меня уже тамъ не было. Это первое приключеніе. Второе. Когда я ѣзжу въ Россію, я обыкновенно беру съ собой осо-

¹⁾ Плюю на перваго встрѣчнаго.

бенный чемоданъ для разныхъ посылокъ отъ знакомыхъ. И на этотъ разъ натаскали мнѣ множество свертковъ, бумагъ, писемъ и всего на свѣтѣ. Я все уложилъ, конечно, чужихъ бумагъ не читалъ, чужихъ писемъ не распечатывалъ. Чемоданъ этотъ отправилъ я съ другими вещами транспортомъ. Ждалъ я его, ждалъ, такъ и не дождался; пропалъ онъ. А пропалъ онъ не даромъ. Читали вы романъ Лѣскова „Некуда“?

Помните—тамъ есть русскій революціонеръ, не помню, какъ передѣлана его фамилія,—онъ еще возбуждаетъ почти всеобщее отвращеніе, особенно въ женщинахъ? Ну такъ это дѣйствительное лицо: нѣкто Ничипоренко. Ничипоренко этотъ, когда я уѣзжалъ изъ Россіи, вѣзжалъ въ нее и везъ съ собою портфель съ прокламаціями, письмами и цѣлымъ спискомъ агитаторовъ. На границѣ, на дебаркадерѣ, что-то ему показалось, чего-то онъ струсиль, бросилъ этотъ портфель просто подъ лавку, самъ сѣлъ поскорѣе въ вагонъ и укатилъ въ Малороссію. Портфель этотъ нашли, отыскиали его самого, арестовали, и арестовали всѣхъ по письмамъ и списку. Между прочимъ въ одномъ письмѣ было сказано, что извѣстный писатель Тургеневъ взялся передать въ Россію прокламаціи, инструкціи и пр., и мой чемоданъ отыскиали. А я сию себѣ спокойно въ Парижѣ, ничего не подозреваю.

Въ одно прекрасное утро будятъ меня, говорятъ—какой то чиновникъ изъ посольства меня спрашиваетъ. Выхожу, вижу—канцелярская фигура. Вынимаетъ онъ бумагу, развертываетъ, откашливается, и, знаете, этимъ громкимъ русско-чиновничьимъ голосомъ читаетъ. Приказывается мнѣ, нимало не медля, явиться въ Петербургъ для объясненій, иначе имѣнье мое конфискуется и т. д.—всѣ послѣдствія. Я изумился, взволновался, чиновника выпроводилъ, а самъ прямо къ посланнику. Я его лично знаю. Такъ и такъ, говорю. Что мнѣ дѣлать? — „Что дѣлать? Ъхать, конечно“, — и сталъ онъ меня успокаивать, увѣрять, что это пустяки. „Пустяки ли, нѣтъ ли“, говорю, „а я не поѣду“. Онъ такъ и подпрыгнулъ: „Какъ не поѣдете?“ — „Такъ не поѣду. Очень вѣроятно, что все это кончится вздоромъ, но я старикъ, больной,—пока я оправдаюсь, меня тамъ затаскаютъ“.

Пробовалъ онъ меня урезонить, я стоялъ на своемъ. Наконецъ, онъ придумалъ: „Вотъ что: я знаю, что государь васъ любитъ, какъ писателя. Напишите прямо къ нему со-

вершенно откровенно“.—„Пожалуй, только я къ царямъ писать не умѣю“. Велѣлъ онъ сочинить посланіе у себя въ канцеляріи; приносятъ мнѣ, чтобы я переписалъ своей рукой. Читаю: припадаю униженно къ стопамъ Вашего Величества и т. п. Ъду опять къ посланнику: такого письма не подпишу; а самъ все-таки сочинить не умѣю...

Наконецъ, кое-какъ сочинилъ я самъ, отправили. Жду я, что то будетъ. Вызываютъ меня въ посольство. „Вамъ“, говоритъ посланникъ, „оказана особенная неслыханная милость,—приказано сообщить вамъ, въ чемъ васъ обвиняють. Вотъ бумага“. Прочелъ я, вижу —дѣйствительно пустяки, и рѣшилъ ѣхать. Приѣзжаю въ Петербургъ, являюсь въ Третье Отдѣленіе ¹⁾. Привели меня въ большую залу. Большой столъ, на столѣ зеркало, кругомъ сидятъ генералы и все знакомые. Говорятъ они мнѣ: „Извините, Иванъ Сергѣевичъ, посадить мы васъ не можемъ“. Сдѣлали мнѣ нѣсколько пустыхъ вопросовъ, препроводили въ отдѣльную комнату, посадили, положили передо мной толстую переплетенную тетрадь. „Видите“, говорятъ, „тутъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ заложено бумажками. Гдѣ заложено, тамъ дѣло васъ касается. Просимъ васъ письменно отвѣтить на вопросы“. Ушли. Вопросы оказались вотъ въ какомъ родѣ: Съ кѣмъ, гдѣ, при какихъ обстоятельствахъ вы были знакомы? Знаете ли вы политическаго преступника Герцена? Есть ли у васъ его портретъ? и т. д. Я отвѣчалъ: если бы всю эту тетрадь написать вдоль и поперекъ, то не достало бы мѣста, чтобы помѣстить одни имена всѣхъ тѣхъ, кого я зналъ въ жизни, и потому отвѣчать на вопросъ о моихъ знакомыхъ нѣтъ для меня физической возможности; Герцена я не только зналъ, но былъ съ нимъ друженъ; портретовъ его у меня не одинъ, а нѣсколько... Отвѣтилъ я на всѣ пункты и думаю: вѣдь мнѣ не запрещали читать остальное. Сталъ я перелистывать тетрадь. Оказалось—все допросы разныхъ лицъ. Ну, и надо признаться, немного я тутъ нашелъ мужества.

Одинъ господинъ, на примѣръ, явно, страшно струсилъ, сталъ путать правыхъ и виноватыхъ, совсѣмъ растерялся, показываетъ даже, что въ такомъ то году, когда онъ былъ еще мальчикомъ, такой то учитель, такой то гимназіи его

¹⁾ Вызывали Т—ва въ Сенатъ, а не въ III-е Отдѣленіе.

совращалъ. Потянули учителя. Тотъ несчастный возопилъ: Помилуйте! Ни душой, ни тѣломъ не виновать! И въ гимназіи то онъ не былъ, и понятія о немъ не имѣю... Былъ, однако, одинъ отвѣтъ: „Въ томъ, въ чемъ меня обвиняютъ, я не виновать. Но, если хотите знать мои убѣжденія, такъ вотъ какія они... Я ихъ не скрываю, и если хотятъ казнить за убѣжденія, такъ пусть казнятъ“... И, вѣроятно, погибъ человѣкъ ни за что, ни про что. Дѣло мое кончилось ничѣмъ. И вотъ съ тѣхъ поръ въ извѣстныхъ кружкахъ начались обо мнѣ сплетни,—не даромъ, дескать, меня не упекли, должно быть я на кого-нибудь донесъ... А Ничипоренко засадили за тридевять замковъ, и онъ умеръ въ тюрьмѣ до окончанія слѣдствія. Ну и, конечно, попалъ въ мученики“ ¹⁾.

Разъ Авдѣевъ разсказалъ, какъ онъ утромъ занесъ къ Тургеневу новую книжку „Дѣла“ ²⁾. Иванъ Сергѣевичъ только что открылъ ее, первое, что ему попало на глаза: „Если бы Тургеневъ былъ умный человѣкъ“... Онъ принялся дразнить пріятеля: „Хорошъ! Принесъ книжку, чтобы дуракомъ обругать!“ И добрякъ Авдѣевъ, разсказывая это, изъ себя выходилъ: „Ну, сказали бы объ немъ, что угодно, что онъ человѣка убилъ,—все бы не такъ нелѣпо было! Но назвать Тургенева дуракомъ!“

Досталъ Тургеневъ моему мужу приглашеніе на охоту и самъ ѣздилъ съ нимъ—разъ на облаву, другой разъ—съ ружьемъ.

— Посмотрѣла бы ты, что съ нимъ было, разсказывалъ мнѣ мужъ со смѣхомъ,—когда онъ фазана пропуделялъ: бросился на землю, сѣлъ на корточки, машетъ руками и кричить, что „такъ жить нельзя“. Послѣ этой неудачи онъ все увѣрялъ насъ, что даже Пегасъ ³⁾ его презираетъ.

Кстати, объ извѣстномъ Пегасѣ. Авдѣевъ увѣрялъ насъ, будто весь Бадень-Бадень знаетъ Пегаса; будто нѣмцы убѣждены, что Тургеневъ гораздо больше гордится своей собакой, чѣмъ всѣми своими сочиненіями.

¹⁾ Андрей Ивановичъ Ничипоренко извѣстенъ по „процессу 32-хъ“. Показанія его и самого Тургенева по этому дѣлу см. въ книгѣ *М. Е. Лемке: „Очерки освободительнаго движенія 60-хъ годовъ“* (Спб. 1908).

²⁾ Здѣсь, очевидно, ошибка въ названіи. Журналъ „Дѣло“ началъ выходить только съ 1867 года.

³⁾ Любимая собака И. С. Тургенева.

Заболѣлъ Иванъ Сергѣевичъ. Мужъ мой навѣстилъ его и рассказывалъ: „Тургеневъ питтъ, къ Віардо просится, а его не пускаютъ. Онъ говорилъ, что Віардо живутъ близко, что дойти до нихъ ему было бы очень возможно“. Пошелъ мой мужъ къ нему на другой день снова.

— И слѣдъ его простылъ,— сообщилъ онъ мнѣ, возвратившись. Хозяйка говоритъ: „Хоть бы вы посовѣтовали ему побережся,—вѣдь совсѣмъ больной ушелъ. Я ему говорила, что онъ губить себя—не слушается. Solch ein guter Mann, aber so kindisch ¹⁾“. Тутъ же сидѣлъ на крыльцѣ хозяинъ,—серьезный важный нѣмецъ. И онъ вмѣшался въ разговоръ: „Der Herr“, говоритъ „не можетъ просидѣть два дня сряду дома!“ И такъ это онъ сказалъ презрительно, добавилъ мужъ, что, видно, онъ не высокаго мнѣнія объ Иванѣ Сергѣевичѣ.

Хозяйка дома, гдѣ жилъ Тургеневъ, была не старше его самого, но относилась къ Ивану Сергѣевичу, какъ нянька къ ребенку: любовно, покровительственно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ворчливо. Впослѣдствіи, нѣсколько лѣтъ спустя, мужъ ея, вѣроятно, перемѣнилъ свое мнѣніе объ Иванѣ Сергѣевичѣ, потому что его одного послушался и, по его убѣжденію, сдѣлалъ завѣщаніе въ пользу жены, на что до тѣхъ поръ никакъ не рѣшался. „И за это,—рассказывалъ Тургеневъ,—она считаетъ себя обязанною мнѣ вѣчною благодарностью. Скажи я этой женщинѣ: бросьтесь въ огонь!—она не задумываясь бросится“.

Позвалъ насъ Тургеневъ къ себѣ, какъ то, чай пить... Въ назначенный вечеръ, ровно въ 8 часовъ, позвонили мы къ нему. Намъ отворила горничная и сказала, что „der Herr“ очень извиняется и проситъ насъ подождать немножко, что онъ сейчасъ придетъ, что за нимъ присылали. Мы ждать не остались, но пошли погулять и вернулись черезъ четверть часа. На этотъ разъ отворилъ намъ самъ хозяинъ.

— Извините меня за невольную неучтивость. За мной прислали отъ госпожи Віардо: она заболѣла. Однако, что же мы здѣсь стоимъ? Войдите пожалуйста.

Мы вошли въ небольшую комнату. Авдѣевъ сидѣлъ на креслѣ у круглаго стола. Къ этому столу усѣлись и мы. Я

¹⁾ „Такой хорошій человѣкъ, но такъ ребячливъ“.

осмотрѣлась. Въ комнатѣ мебели было немного: диванъ, нѣсколько креселъ и стульевъ, столъ, около котораго мы помѣстились, и другой, письменный, у стѣны. Надъ письменнымъ столомъ висѣлъ портретъ, рисованный, кажется, карандашемъ, и небольшой бюстикъ.

— Что съ госпожей Віардо?—спросилъ мой мужъ.

— Да что-то въ родѣ той скверной, ужасной болѣзни, которую я и назвать даже не хочу. Очень ей плохо было. Даже судороги начинались. Теперь ей лучше. Я просилъ прислать за мной, если припадокъ повторится. Простите: я пойду предупредить хозяйку, чтобы она сейчасъ же сказала, если за мной пришлютъ.

Онъ вышелъ.

— Знаете ли, — сказалъ Авдѣевъ, не убраться ли намъ по добру по здорову? Вѣдь онъ вообразилъ, что у нея холера, и самъ не свой.

Я подошла къ письменному столу: на немъ лежалъ большой портфель, а около чернильницы стояли фотографическіе портреты госпожи Віардо и ея дочерей. Портретъ на стѣнѣ—оказался ея же; бюстикъ также.

— Да что вы съ нами церемонитесь? — сказалъ мой мужъ, когда Иванъ Сергѣевичъ воротился. Идите туда, а мы зайдемъ къ вамъ въ другой разъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Тамъ теперь дѣлать мнѣ нечего. Она теперь заснула, а мнѣ на людяхъ легче, чѣмъ одному.

Сама хозяйка принесла, на огромномъ подносѣ, чайникъ съ завареннымъ чаемъ, конфорку на спирту, корзинку съ булками и сухарями и безчисленное число блюдецъ съ кусочками сыру, колбасы, поперниकेля съ корицей, перцемъ, гвоздикой и т. п. Когда она, аккуратно разставивъ все это на столѣ, удалилась, Тургеневъ привсталъ и осмотрѣлъ блюдечки.

— Боже мой! Перцу-то зачѣмъ же? Чего она тутъ только не натащила! Счастье наше, если она и въ чай не насыпала корицы. Вѣдь она, какъ истая нѣмка, воображаетъ, что чѣмъ больше намѣшать всякой дряни въ чай, тѣмъ онъ будетъ лучше. А дѣлать ей замѣчанія нельзя: огорчится. Надо вамъ сказать, что она единственная изъ женщинъ, встрѣтившихся мнѣ въ жизни, которая почувствовала ко мнѣ истинную страсть и потому долго отравляла меня разными ужасающими